

Выбор «Темы»

Одна из картин 52-летнего московского режиссера Леба Панфилова называется «Прощу слова». Это название предвещает мне глубоко символический вообщее для творчества Панфилова: режиссер, которого не упрекнушь в пренебрежении художественным поиском, в каждом своем фильме с незаурядным гражданским темпераментом требует слова, чтобы высказаться по самым острым проблемам социальной жизни. Подчас настолько острыми, что этого слова ему не давали... Так произошло и с фильмом «Тема». Он был снят в 1979 году, а вышел на экран в 1986-м.

Кадр из фильма «Тема». Ким Есенин — Митяга Ульянов, Сашенька — Инна Чурикова.

Картина повествует о некоем «престижном» драматурге, чеповке, несомненно, одаренном, однако растерявшем свой талант и свои принципы в черед больших и малых компромиссов, в пононе за «полюсением», за жизненными благами. Ради популярности, ради «блестящих денег» этот Ким Есенин, которому передано за 50, соглашался на все и вот уже его душа замстила, как оскудела его душа.

вызову в Израиль, чтобы уже оттуда перебраться в США... Все это мы узнаем вместе с Кимом Есениным, который вынужден подслушивать разговор Бородатого с любящей его Сашенькой. Николай, скромным экскурсоводом провинциального музея. Эпизод трагического прощания (Сашенька не идет с Бородастым) снят Инной Чуриковой и Станиславом Любшиным виртуозно, однако мизансцена выстроена Панфиловым так, что мы видим силуэт героя лишь издали, слышим лишь обрывки фраз, и подробностей происходящего остаются не до конца проясненными... Если это честь профессора, то объясните ему, в дуэте, как скривилась не эстетическая Панфилова и ер в м называемых «стезежакошник». О них говорили в семье и на работе, писали газеты, иредка вставляла слово литература, а экран хранил молчание. И, а бы сказал, робая Панфилова, повесившая за собой некоторую скоротворку в обрядиктована вполне оправданными (как показала дальнейшая судьба фильма) опасениями режиссера, что эта линия может вызвать негативную реакцию у киночиновников, страдавших недугом перстраховки и предпочтительным всем краскам многообразной жизни — дак...

положения. Красоту, как любят шутить женщины, не спрячешь. Так же не отнимешь у таланта и зоркого дара объективности. Рассказывая о Бородатом, авторы фильма не «обличают» его, они стараются высветить драму человека, посчитавшего свои трудности глобальными катаклизмами и выбравшего в качестве выхода самый, наверное, тяжкий путь...

«Тема» подается фигура, весьма, как выясняется, принципиальная для понимания позиции автора. Это некий Бородастый (у него в фильме даже нет имени), про которого мы узнаем, что он то ли начинающий писатель, то ли не признанный историк. У Бородатого какое-то непонятное, но не соответствующее действительности, качество взять в соавторы «нужного» человека, и вот его рукописи о русском писателе и мыслителе XVIII века Радищеве отвергли, а он — в знак протеста — устроил на кладбище могильщиком... Если тут и прочитывается аналогия с хрестоматийным персонажем Шекспира, то, на мой взгляд, лишь в протестовой тональности. Гротеск необходим авторам, чтобы с наибольшей выразительностью продемонстрировать существование причудливого спектра профессий, избравшего теми вечерними интеллектуалами (а сегодня, скажем, ночными сторожами), которые по тем или иным причинам стали «эскапистами». Бородастый уходит от реальной деятельности лишь на время: он собирается высказать по фиктивному, как нам дают понять,

В конструкции «Темы» неудачника Бородатого можно воспринять и как антитезу преуспевающему Киму Есенину. Один, отицая компромиссы, терзает Родину, другой, потягивая в них, ведет себя, как хозяин жизни. Такое противопоставление, безусловно, чувствуется в фильме. Но лишь на первый взгляд. Да, Ким Есенин выезжает в провинциальный городок (где разворачивается действие) валяж-ным баринном, но уезжает-то он оттуда, как спасающийся бегством мелкий мошенник, понявший, что здесь, в забытой богом глуши, его раскусили. Что касается Бородатого, при всем чистом человеческом сочувствии, которое эта фигура вызывает в авторе, они не верят в перспективность его пути, полагают, что он проигнорировал той же слабостью духа, которая потубила и благополучного драматурга.

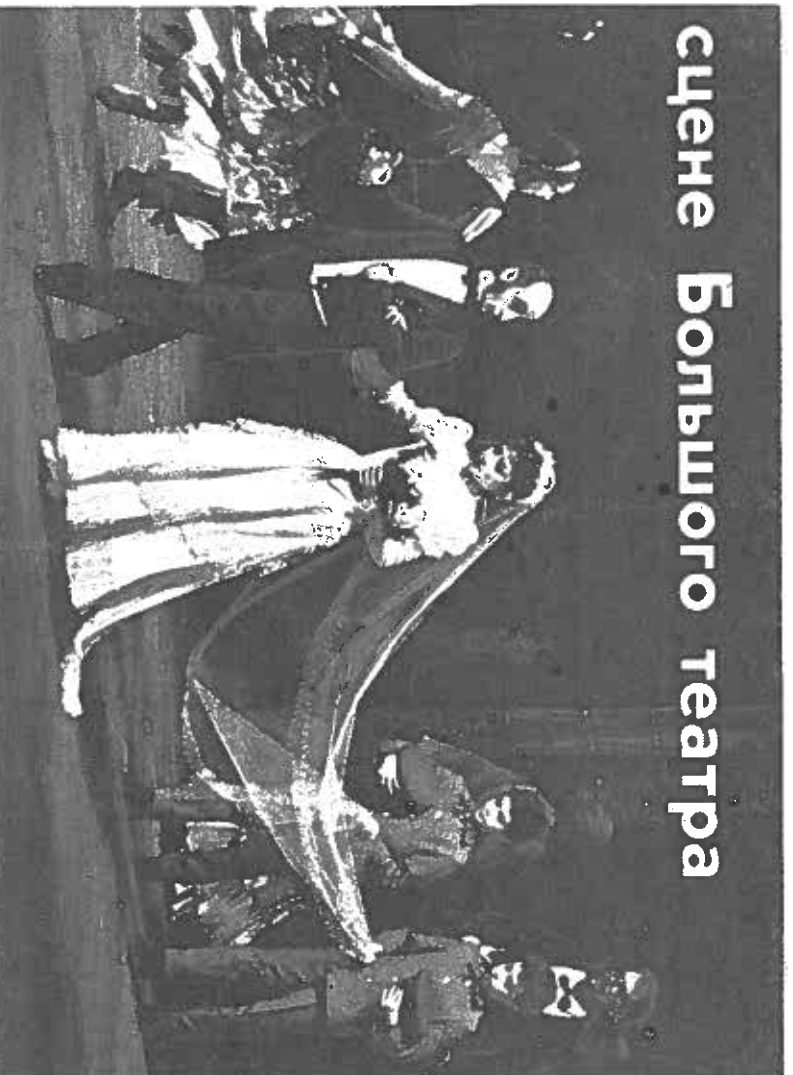
альтернативы ее наивную мечту написать книгу о местном крестьянском поэте, забывавном любительском поэте, забывавном любительском поэте). «Тема», как настоящие произведения искусства, шире изложенной в фильме фабулы: противостояние Сашеньки — это противостоение, идущее откуда-то из глубин русской национальной и культурной традиции. Сила Сашеньки — это сила хрупких, но цельных тургеневских девушек, мощь ее нравственного выбора родни мощи «инфральных», мятущихся героинь Достоевского... И вот странное чудо искусства: даже не выраженная словами в фильме, эта нравственная сила хрупкой провинциалки легко «считывается» с экраном.

Хотя фильм и пронизан, безусловно, сатирической интонацией, а бы не стал трактовать его как фелетов о герое, не выходящем сочувствия. Ким Есенин зачашую и жалок, и суетлив, но он все же не мелок. Ульянов рисует значительную личность (оттого-то и пороки ее приобретают в фильме масштаб типичности), чья нервная взаимосвязанность и аффективная вполне мне кажется, органичны, если учесть, что Ким Есенин — человек театра, он постоянно

И все же у меня не повернется язык упрекнуть сейчас Панфилова. Он с честью вышел из трудно

Дебют на сцене Большого театра

Такой дебют, наверное, заветная мечта каждого артиста балета. Даже если выступишь в хорошо знакомой партии, которую танцевал первый. Даже если получишь премию РСФСР, признание на телеэкране и во время зарубежных гастролей. Именно в такой ситуации оказался солист ленинградского Малого театра оперы и балета Тали Абайдулов, приглашенный в Большой театр для участия в ряде премьерных спектаклей. В балете «Ангюта», поставленном Владимиром Васильевым по чеховскому рассказу «Анна на шее», Абайдулов танцевал партию Модеста Алексеевича, мужа героини. И делал это со всем блеском. С первого своего появления на сцене артист, что называется, «взял зал». А в кульминационном моменте роли, в сцене «Административного восторга», когда Модест Алексеевич наконец-то получает вождя в орден, овации зрителю буквально задушили оркестр.

Елена ФЕТИСОВА.

Не берясь со всей определенностью судить, чем же руководствовались перестраховщики от кино, державшие «Тему» «на полке»... Сегодня она воспринимается, конечно, не так, как семь лет назад. О некоторых вещах, впервые затронутых Панфиловым, сейчас активно пишется пресса, многие мотивы «Темы» разошлись по книгам, пьесам и фильмам, изрядное число реальных личностей, маячивших за образом Кима Есенина, уже не некажутся на литературном Олимпе, их не ласкает услужливая критика... Время меняется. Но, впрочем, не настолько, чтобы списать за ненадобностью гражданский темперамент авторов «Темы». Фильму достаточно работы и сегодня. Думаю, что хватит ему ее и завтра. И дело тут не только в публицистическом потенциале картины. Драма Кима Есенина — это драма широкого, если хотите, общечеловеческого звучания. Драма вечного выбора между Правдой и Ложью.

Борис БЕРМАН,
кинорежиссер.